

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.626.4

Фондирование как новый метод структурирования семейного капитала: имплементация зарубежного опыта

¹ Мусукаев А.А.,

¹ Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: в настоящей статье автор акцентирует внимание на развитие практики структурирования частного капитала в Российской Федерации за счет применения новых корпоративных форм – личных и наследственных фондов, а также ЗПИФ. Сравнивая вышеперечисленные формы и схемы структурирования, выявляются определенные преимущества и недостатки, характерные для них на современном этапе. Приведенное в статье регулирование аналогичных континентальных фондов, во многом реципроированное отечественным законодателем, также выявляет ряд прогрессивных черт, достойных внимания читателя. В заключении автор приводит отдельные рекомендации и пожелания в части дальнейшего развития фондирования как нового фактора «упаковки» разрозненных активов состоятельных лиц с российским гражданством.

Ключевые слова: частный капитал, HNWI, наследственный фонд, личный фонд, семейный фонд, ЗПИФ, Stiftung, trust, наследование капитала, корпоративное структурирование

Для цитирования: Мусукаев А.А. Фондирование как новый метод структурирования семейного капитала: имплементация зарубежного опыта // International Law Journal. 2025. Том 8. № 6. С. 194 – 199.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июля 2025 г.; Принята к публикации: 4 сентября 2025 г.

Funding as a new method for joint tenancy structuring: implementing foreign experience

¹ Musukaev A.A.,

¹ Moscow State Institute of International Relations of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: in this article, the author focuses on the practice of structuring private capital in the Russian Federation through the use of new corporate forms – personal and inheritance funds, as well as ZPIF. Comparing the above forms and structuring schemes, certain advantages and disadvantages characteristic of them at the present stage are revealed. The regulation of similar continental funds described in the article, largely adopted by the Russian legislator, also reveals a number of progressive features worthy of the reader's attention. In conclusion, the author provides some recommendations and suggestions regarding further development of funding as a new factor in the “packaging” of disparate assets of wealthy individuals with Russian citizenship.

Keywords: private capital, HNWI, inheritance fund, private fund, family fund, ZPIF, Stiftung, trust, capital's inheritance, corporate structuring

For citation: Musukaev A.A. Funding as a new method for joint tenancy structuring: implementing foreign experience. International Law Journal. 2025. 8 (6). P. 194 – 199.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: July 26, 2025; Accepted for publication: September 4, 2025.

Введение

Односторонние ограничительные меры иностранных государств, введенные с 2022 года, существенно изменили ландшафт привычного ранее структурирования частного капитала. В частности, отдельного внимания достойны решения, к которым вынужденно прибегали консультанты и менеджеры так называемых *family office* для перестройки цепочек владения активами с сохранением аналогичных англо-американским трастам корпоративных структур. Сложнее всего и по сей день приходится подсанкционным лицам, членам их семей и подконтрольным им компаниям: они сталкиваются с ограничениями банковского комплаенса, отказами работы с ними иностранных консультантов и т.д.

Оказавшись под беспрецедентным давлением, состоятельные граждане обратились к российскому законодательству в поисках эффективных решений, и такое решение нашлось в сравнительно недавно появившихся конструкциях фондов по континентальной модели (о чем в статье автором будет сказано позднее). Долгое время, к сожалению, отечественное право обходило стороной развитие инструментов семейного и наследственного права в пользу налогового планирования и корпоративной «обяззки» капитала, однако примерно с середины 2010-х годов необходимость усложнения бизнес-оборота явно назрела, что и отразилось в активном развитии фондов как инструментов структурирования крупного частного капитала и наследственного планирования. И если внедренный в российское право в сентябре 2018 года институт наследственного фонда [10] не показал достаточной заинтересованности граждан (за прошедшее время в России зарегистрировано немногим более 200 наследственных фондов) из-за особенностей его формирования и регистрации, то уже его прижизненный аналог – личный фонд – с каждым годом набирает все большую популярность у консультантов и персональных банкиров. Чем же привлекательны фонды для структурирования семейного бизнеса в России сейчас и какие перспективы можно ожидать в ближайшем будущем?

Материалы и методы исследований

Исследование автора основано на законодательных актах как Российской Федерации, так и зарубежных государств. Помимо кодифицированных актов, анализируются также и федеральные законы РФ, королевские декреты Италии и Лихтенштейна середины прошлого века. Выводы в статье подтверждаются актуальной судебной практикой и доктринальными позициями таких специалистов, как В.В. Гущин, А.А. Ко-стин, М.А. Карташов, Дж.Х. Лангбейн и Н. Питер.

Методологически основу исследования составляют компаративистский метод, методы анализа и синтеза данных, а также дидактический метод исследования. Комплексное исследование завершается приведенными выводами, структурно отражающими анализ и сопоставление нормативного регулирования и практики его применения в России и зарубежных странах.

Результаты и обсуждения

Сохранение и преумножение семейного капитала в перспективе конвертируется в финансовую независимость и стабильность капитала потомков, что и требуется для большинства HNWI («High Net Worth Individual» – прим. автора) лиц от корпоративного структурирования. Трасты, учрежденные по английскому праву на Кипре и в островных офшорах, решают эти задачи за счет передачи имущества доверительному управляющему (*trustee*), что, в свою очередь, довольно затратно с учетом расходов на менеджмент активов и обязательных отчислений для страхования профессиональной ответственности управляющих.

Отечественный рынок частного капитала на определенном этапе собственного развития пытался обращаться к квази-корпоративным механизмам налоговой оптимизации по модели характерного для англо-американского права ограниченного партнерства (*limited partnership, LP*), таким как инвестиционные товарищества. Имея договорную природу, инвестиционные товарищества радикально отличаются от любого рода фондов, однако определенные преференции позволяли считать такие структуры перспективными для состоятельных граждан и членов их семей, полностью вовлеченных в высокорисковые инвестиции. Подробнее с инструментом инвестиционных товариществ можно ознакомиться в более ранней статье автора [6], настоящее же исследование нацелено в первую очередь на консервативных владельцев капитала, преимущественно стремящихся к наследственному планированию и менеджменту уже накопленного имущества.

Именно фондирование позволяет систематизировать управление разрозненными профильными активами за счет внедрения единых условий управления, обеспечения справедливого распределения участия членов семьи в совместном имуществе супругов (в виде инвестиционных паев или долей участия в фонде), а

также получения пассивного процентного дохода от реинвестирования средств в перспективные проекты [3].

Среди российского инструментария фондов наиболее проработанным и относительно устоявшимся в практике его применения механизмом стоит упомянуть закрытый паевой инвестиционный фонд (далее - «ЗПИФ»). Не являясь юридическим лицом, ЗПИФ обладает рядом существенных преимуществ перед любым договорным режимом совместного имущества супружов и включением такого имущества в капитал коммерческих организаций (как правило, учреждение ООО):

1) обособление имущества, внесенного в ЗПИФ, от личного имущества пайщиков и доверительного управляющего, что обеспечивает секьюритизацию активов;

2) упрощение наследственного планирования с иностранным элементом, поскольку переход права собственности на имущество ЗПИФ к наследникам удостоверяется записью в реестре пайщиков на основании наследственного распоряжения учредителей фонда;

3) «долгосрочная капитализация семейных активов» за счет отсутствия налога на прибыль и эффективного профессионального менеджмента независимой управляющей компанией;

4) защита от рейдерских захватов и последствий наследственно-корпоративных конфликтов (таких как споры за активы Дмитрия Рыболовлева, Андрея Трубникова и Бориса Александрова) за счет невозможности банкротства имущественной массы и привлечения бенефициаров к субсидиарной ответственности по долгам ЗПИФ;

5) конфиденциальность владения [2].

Вместе с тем, ЗПИФ как «семейный траст» все же не лишен тех же недостатков: в роли trustee выступает профессиональная управляющая компания, отвечающая за менеджмент, при этом все имущество, вносимое в ЗПИФ, обособляется одновременно от имущества учредителя и самой управляющей компании согласно положениям профильного закона [9]. Какая же форма организации капитала наиболее приемлема в российском праве?

Большинство преимуществ ЗПИФ характерно и для относительно нового типа фондов в России – лично-го фонда. Анализ положений статей 123.20 (4) – 123.20 (8) ГК РФ показывает, что появившийся лишь 3 года назад институт личного фонда является продолжением реформ 2018 года и предоставляет возможность прижизненного корпоративного структурирования с аналогичными наследственному фонду механизмами, но с более гибкими правилами доверительного управления имуществом и большей вовлеченностью супружов в принятие решений в отношении совместного имущества.

Законодателем сделана специальная оговорка: учредителем личного фонда может быть только единолично физическое лицо либо совместно супруги при внесении в личный фонд совместного имущества (пункт 3 статьи 123.20-4 ГК РФ). При этом, как верно отмечает А.А. Костин, «... в отличие от наследственного фонда для личного фонда предусмотрено ограничение по стоимости: так, при создании в личный фонд необходимо передать имущество стоимостью не менее 100 миллионов рублей, которая определяется на основании оценки его рыночной стоимости [8, с. 15]». Данное ограничение стоит рассматривать как существенный недостаток в части гибкости личного фонда по сравнению с его аналогами и ставшими уже стандартными для российского правопорядка договорными механизмами управления совместным имуществом супружов.

Особенность подобного со учредительства фонда супружами влечет за собой порой не самые очевидные проблемы корпоративного управления, которые, впрочем, могут быть минимизированы за счет детальной проработки устава и условий управления фондом. Так, большинство ключевых решений предполагается к принятию единоличным либо коллегиальным исполнительным органом, но в соответствии со статьей 123.20-7 ГК РФ учредитель и выгодоприобретатели фонда не могут выступать полноправными членами данных органов. Чтобы контроль над активами не утрачивался, рекомендуем сформировать правление фонда как его высший коллегиальный исполнительный орган либо попечительский совет, в пользу которых передаются полномочия на принятие ключевых управлеченческих решений.

В продолжение этого аспекта функционирования управления фондом возникает вполне логичный вопрос: что делать с корпоративным управлением семейным имуществом, когда учредитель или ответственные члены исполнительного органа умирают? ГК РФ предусматривает возможность конвертации личного фонда в наследственный, в пункте 1 статьи 123.20-7 указывается на возможность подназначения членов исполнительного органа из заранее определенного учредителем фонда списка. Системно толкуя нормы соответствующей главы ГК РФ, В. В. Гущин верно подчеркивает, что допустима возможность и наследования прав в порядке законной очередности либо завещания наследодателя-члена органа управления личного фонда [4, с. 24]. Данные вопросы требуют систематизации в кодифицированном акте, а возможно и разра-

ботки стандартных (типовых) форм устава и условий управления, максимально широко предусматривающих гибкость управления.

Вместе с тем, личный фонд как новелла российского правопорядка выступает, пожалуй, единственной корпоративной структурой, которая позволяет структурировать наследование активов в обход стандартного порядка правопреемства. После перехода права собственности на внесенное в фонд имущество правосубъектность фонда как коммерческого юридического лица исключает любые притязания на него со стороны супругов как учредителей, наследование же далее может быть структурировано без соблюдения требований статьи 1149 ГК РФ об обязательной доле, если выгодоприобретателями фонда при полной передаче всей наследственной массы назначается только круг ближайших родственников, *familia* в терминах римского права.

Особенности всех вышеперечисленных корпоративных форм структурирования частного капитала можно представить в табл. 1.

Таблица 1
Сравнительная характеристика ЗПИФ, наследственного и личного фондов.

Table 1

Comparative description of ZPIF, inheritance fund and personal fund.

	ЗПИФ	Наследственный фонд	Личный фонд
Статус юридического лица	✗	✓	✓
Формирование при жизни семьи	✓	✗	✓
Капитализация активов	✓	✗	○
Ограничения на формирование фонда	Требования к статусу пайщиков как квалифицированных инвесторов	Существенные ограничения не установлены	Обязательное проведение оценки вносимого в фонд имущества, ≥ 100 млн рублей

Отечественная практика формирования фондов только начала зарождаться, и многие вопросы сугубо утилитарного характера пока остаются неразрешенными российскими судами. Зарубежные же механизмы структурирования частного капитала (трасти, частные и семейные фонды, фидеикомиссы, коллективная доверительная собственность) исторически сильно более развиты и проработаны, предоставляемые бенефициарам и HNWI все преимущества конфиденциального низконалогового владения активами. Присущие иностранным фондам и трастам признаки привлекали наших сограждан к участию и распределению имущества в рамках подобных структур: так, даже региональный суд в Оренбургской области [1, 7] рассматривал споры в связи с наследованием активов гражданки РФ, внесенных в «Фонд нуждающимся членам семьи Якобса» (по своей модели, судя по всему, полностью соответствует немецкому *Stiftung* либо *Treuhand*).

Несмотря на то, что отечественные институты личного и наследственного фонда наиболее схожи с фондами континентальной правовой системы, как верно замечает М.А. Карташов [5, с. 84], на современном этапе специалисты все чаще сравнивают российские фонды с англо-американскими трастами. Подобные сравнения представляются как минимум преждевременными, если не в корне противоречащими правовой природе каждого из рассматриваемых механизмов.

По своему функциональному предназначению траст продолжает генеральную линию исторического предназначения как обхода требований закона о владении недвижимым имуществом [12, с. 617], а континентальные фидеикомиссы, частные фонды и договоры управления имуществом, напротив, стали основой для формирования новелл семейного и наследственного права России.

К примеру, положения ГК РФ о личном фонде во многом отражают нормы западноевропейских кодификаций практически идентичных институтов: статья 147 ГК Итальянской Республики [11] посвящена регулированию семейных фондов (*fondo patrimoniale*), в Лихтенштейне частные фонды регулируются в соответствии со статьями 552-570 Закона Королевства «О лицах и компаниях» 1926 года [13], а швейцарские и австрийские *Stiftung* при их практически единообразном функционале обладают главной отличительной чертой даже среди европейских фондов – любая информация как о самом фонде, так и его бенефициарах,

полностью конфиденциальна для третьих лиц и может быть раскрыта торговым реестром только с разрешения учредителя либо по решению суда [14, с. 534].

Выводы

Таким образом, российский правопорядок приобрел новые прогрессивные черты за счет внедрения в него институтов личного и наследственного фонда. Следуя традициям континентального права и привнося в него специфические черты национального регулирования, новеллы уже сейчас расширяют возможности семейно-наследственного планирования для узкого круга состоятельных лиц в России (семейных офисов, HNWI, владельцев среднего и крупного бизнеса), но отсутствие практики их стабильного применения и использования в предпринимательском обороте пока не позволяют говорить о широкой популярности рассмотренных институтов в России.

Отказ от пороговой суммы «входа», расширение сферы конфиденциальности владения, увеличение числа профессиональных управляющих активами – все эти меры направлены на всецелое развитие и популяризацию фондов как инструментов сохранения и преумножения семейного капитала. Возможно, в скором времени экономические и правовые реалии позволят исследователям и специалистам в области private equity, family office назвать фонды наиболее комфортным и стабильным инструментом инвестирования средств, однако на сегодняшний день многие практические вопросы предстоит решать судам и правоприменителям индивидуально для каждого случая.

Список источников

1. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 25 декабря 2014 года по делу № 33-8288/2014 // СПС «Консультант Плюс».
2. Богданов А. Семейные фонды для состоятельных частных лиц: ЗПИФ как решение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imac.ru/upload/iblock/907/9078ccde9af9e3cb9178e7a417846563.pdf> (дата обращения: 20.03.2025)
3. Бородатова М. Семейный фонд: как он работает [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/jcHe8MvqKp/semejnyij-fond-kak-on-rabotaet/> (дата обращения: 27.04.2025)
4. Гущин В.В., Добровинская А.В. Наследственный фонд как способ управления наследственным имуществом // Наследственное право. 2018. № 1. С. 22 – 25.
5. Карташов М.А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С. 83 – 90.
6. Мусукаев А., Шубин А., Кукарских М. Договор инвестиционного товарищества: актуальные тренды в применении и возможности использования при реструктуризации // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2025. № 5. С. 42 – 50.
7. Определение Оренбургского областного суда от 07 октября 2014 года по делу № 33-6374/2014 // СПС «Консультант Плюс».
8. Терновая О.А., Костин А.А. Актуальные вопросы получения российскими и иностранными гражданами статуса выгодоприобретателя личного фонда // Нотариальный вестник. 2022. № 6. С. 6 – 18.
9. Федеральный закон от 29 ноября 2001 года № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4562.
10. Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4808.
11. Codice Civile, Regio Decreto 16 marzo 1942 No. 262 Approvazione del testo del Codice civile (042U0262) // Gazzetta Ufficiale No. 79 del 4 aprile 1942.
12. Langbein J.H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts // Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. P. 615 – 638.
13. Personen und Gesellschaftsrecht (PGR) vom 20. Januar 1926 // LGBI, 1926 No. 004, LR No. 216.0.
14. Peter N. Family Foundations in Switzerland // Trusts & Trustees. 2020. Vol. 26. No. 6. P. 525 – 549.

References

1. Appellate ruling of the Orenburg Regional Court dated December 25, 2014 in case No. 33-8288/2014. SPS "Consultant Plus".
2. Bogdanov A. Family funds for wealthy individuals: ZPIF as a solution [Electronic resource]. Access mode: <http://www.imac.ru/upload/iblock/907/9078ccde9af9e3cb9178e7a417846563.pdf> (date of access: 03.20.2025)

3. Borodatova M. Family fund: how it works [Electronic resource]. Access mode: <https://companies.rbc.ru/news/jcHe8MvqKp/semejnyij-fond-kak-on-rabotaet/> (date of access: 27.04.2025)
4. Gushchin V.V., Dobrovinskaya A.V. Hereditary fund as a way of managing inherited property. Inheritance law. 2018. No. 1. P. 22 – 25.
5. Kartashov M.A. Hereditary fund: new Russian legislation and foreign experience. Modern law. 2017. No. 10. P. 83 – 90.
6. Musukaev A., Shubin A., Kukarskikh M. Investment partnership agreement: current trends in application and possibilities of use in restructuring. Joint-stock company: corporate governance issues. 2025. No. 5. P. 42 – 50.
7. Determination of the Orenburg Regional Court dated October 7, 2014 in case No. 33-6374/2014. SPS "Consultant Plus".
8. Ternovaya O.A., Kostin A.A. Current issues of obtaining the status of beneficiary of a personal fund by Russian and foreign citizens. Notarial Bulletin. 2022. No. 6. P. 6 – 18.
9. Federal Law of November 29, 2001 No. 156-FZ "On Investment Funds". Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4562.
10. Federal Law of July 29, 2017 No. 259-FZ "On Amendments to Parts One, Two and Three of the Civil Code of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31 (Part I). Art. 4808.
11. Code of Civil Law, Regio Decreto March 16, 1942 No. 262 Approval of the Testo of the Civil Code (042U0262). Gazzetta Ufficiale No. 79 of April 4, 1942.
12. Langbein J.H. The Contractarian Basis of the Law of Trusts. Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. P. 615 – 638.
13. Personen und Gesellschaftsrecht (PGR) vom 20. Januar 1926. LGBI, 1926 No. 004, LR No. 216.0.
14. Peter N. Family Foundations in Switzerland. Trusts & Trustees. 2020. Vol. 26. No. 6. P. 525 – 549.

Информация об авторе

Мусукаев А.А., Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, стипендиат Правительства РФ и ГК «Металлоинвест», специалист в области сопровождения крупных инвестиционных сделок, профильные секторы – золотодобыча, промышленное производство и банковские операции

© Мусукаев А.А., 2025